

— Староста! — Юй Эрчжу поспешно отпустил Юй Бая и натянуто улыбнулся. — Мы... мы всего лишь воспитываем племянника. Ребёнок не знает правил, старшим грубит...

Юй Бай мгновенно убрал кинжал в пространство, услышав эту наглую отговорку.

— Врёшь! — тут же перебил он дрожащим, почти плачущим голосом. — Дядя-староста, они хотят отнять дом и землю, которые оставили мне отец и папа, ещё браслеты и шпильку папы, и меня бьют!

— Отец с папой умерли всего несколько дней назад! Они ещё в земле не остыли, а дядя с тёткой уже заставляют меня идти за старого вдовца из городка. Разве так люди поступают? — Глаза Юй Бая невольно покраснели. В этих слезах смешались остаточные чувства прежнего хозяина тела и собственная обида человека, который за десять лет апокалипсиса почти забыл, каково это — рассчитывать на чью-то защиту. — Я всего лишь хочу отгоревать по родителям и жить дальше. Неужели за это меня надо доводить до смерти?

Лицо старосты Чжао Фугуя потемнело. На семью Юй Эрчжу он посмотрел с откровенным презрением:

— Юй Второй, твой брат с супругом умерли всего полмесяца назад, а ты уже так издеваешься над их единственным ребёнком? Совести совсем нет?

Ван-ши тут же принялась голосить:

— Небо свидетель, староста! Мы от чистого сердца о нём заботились, потому и нашли ему мужа, а он на нас с кулаками! Меня пнул, посмотрите, у Эрчжу шея в крови! А Сяобао как избил...

Юй Бай прижал свёрток к груди и мгновенно принял слабый и беспомощный вид. С его бледным лицом он и правда выглядел несчастным сиротой-гэ-эром, которого обижают:

— Это тётка первая хотела меня ударить, я только увернулся... Двоюродный брат тоже полез драться и хотел отобрать вещи, оставшиеся от отца, вот я и схватил засов, чтобы защититься... Я гэ-эр, только-только после болезни, как бы я осмелился первым кого-то бить...

— Второго дядю я вообще не бил, да мне с ним и не справиться! Как тётка может так меня оговаривать? — Юй Бай посмотрел на Ван-ши с выражением полной безысходности.

Только тут Ван-ши заметила, что на шее Юй Эрчжу нет ни раны, ни крови.

— А-а-а!!!

— Чудовище! Ты чудовище! — перепуганная Ван-ши окончательно потеряла голову и принялась осыпать Юй Бая руганью.

Юй Бай холодно смотрел на её представление. Доказательств всё равно не было. Когда староста вошёл, он выбрал угол, который никто не видел, и велел Кровожадной лозе незаметно убраться кровь и залечить след от пореза.

Кто виноват Юй Эрчжу, что при появлении старосты первым делом начал оправдываться, а не жаловаться?

От грязной брани Ван-ши даже старосте захотелось ударить её, но он сдержался.

— Ван-ши, замолчи! — рявкнул он.

Она тут же стихла и, глядя на Юй Бая словно на нечисть, отступила в угол, где прижалась к сыну Юй Сяобао.

Собравшиеся жители, видя истерику Ван-ши, начали наперебой осуждать семью Юй Эрчжу. Многие смотрели на них с явным презрением.

— И правда, это уже слишком!

— Какие хорошие люди были отец и папа Юй Бая, а они только умерли — и единственного ребёнка уже травят...

— Заставлять его выходить за старого вдовца? И не стыдно!

Ван-ши всё ещё пыталась оправдываться:

— Староста, мы... мы ведь ради Юй Бая стараемся! Он одинокий гэ-эр, без опоры и защиты. Как ему дальше жить? Разве выйти замуж — не лучший путь?

— Да чушь! — Чжао Дашань вспыхнул, его голос прогремел по двору. — «Ради него» — это заставить его выйти за того старого вдовца из городка, который двух жён до смерти забил? «Ради него» — это выдать его замуж, когда у родителей ещё даже первые семь дней после смерти не прошли? Вы совесть собакам скормили?!

Вопросы один за другим били, как молоты. Семья Юй Эрчжу не могла поднять головы.

Чжао Дашань продолжал:

— Пока родители Юй Бая были живы, они вам разве мало помогали? Каждый год помогали сеять и собирать урожай, всякой вкусной едой делились. А теперь их только не стало, и вы так обращаетесь с их единственным ребёнком? Вы вообще люди?

Юй Эрчжу покраснел до ушей и только мямлил, не находя ответа. Ван-ши хотела что-то вставить, но Чжао Дашань одним взглядом заставил её проглотить слова.

— Запомните: пока я, Чжао Дашань, хоть один день остаюсь старостой Таоси, я не позволю вам так издеваться над сиротой! Родители Юй Бая погибли, когда расчищали дорогу для всей деревни, и похороны им устраивала вся деревня. Их ребёнок — ребёнок всей деревни! Хотите его обидеть — сначала спросите меня, Чжао Дашаня, согласен ли я!

Эти слова не только прижали семью Юй Эрчжу, но и потрясли самого Юй Бая. За десять лет апокалипсиса он слишком хорошо узнал человеческую подлость, и впервые по-настоящему почувствовал силу того, что называется справедливостью.

Чжао Дашань подошёл к нему и заговорил мягче:

— Юй Бай, пока дядя здесь, никто тебя не тронет.

— Деревня помнит, что случилось с твоими родителями. Не бойся: пока есть я, Чжао Дашань, без опоры ты не останешься. Спокойно соблюдай траур. Если кто-нибудь снова станет принуждать тебя к браку или обижать — сразу приходи ко мне, я разберусь!

Юй Бай смотрел на твёрдое лицо Чжао Дашаня и чувствовал, как внутри разливается тепло. Он глубоко вдохнул и почтительно поклонился:

— Спасибо, дядя Чжао.

Эта благодарность шла от сердца.

Чжао Дашань кивнул, затем снова повернулся к семье Юй Эрчжу:

— А теперь слушайте внимательно! С сегодняшнего дня не смейте больше приставать к Юй Баю! Узнаю, что снова его травите, — не пеняйте, когда накажу по деревенским правилам. Либо вымететесь из Таоси, либо три дня и три ночи на коленях в родовом храме простои́те!

Семья Юй Эрчжу побледнела и торопливо закивала:

— Не будем, больше не будем...

— Вон отсюда! Хватит позориться! — Чжао Дашань махнул рукой, будто отгоняя мух.

Троица словно получила помилование: протиснулась сквозь толпу и убежала, даже забыв подобрать платок, который Ван-ши уронила во время скандала.

Чжао Дашань обратился к собравшимся:

— Всё, расходитесь. У каждого свои дела. Сегодня вы сами всё видели, так что присматривайте иногда за Юй Баем. Тяжёлая судьба у ребёнка.

Жители откликнулись и стали расходиться небольшими группами. Многие перед уходом дружелюбно кивнули Юй Баю.

Когда толпа разошлась, Чжао Дашань тихо спросил:

— Малыш, сильно перепугался?

Юй Бай покачал головой:

— Спасибо, дядя Чжао, что восстановили справедливость.

— Это само собой. — Чжао Дашань вздохнул. — Твои родители ушли внезапно, вся деревня тяжело это переживает. Если будет трудно — приходи ко мне или скажи тётушке Чжао. Не тащи всё на себе, понял?

Юй Бай кивнул.

Чжао Дашань ещё несколько раз велел ему как следует отдыхать и только после этого ушёл вместе с двумя сыновьями.

Двор снова затих. Юй Бай остался один.

Староста холодно фыркнул:

— Юй Второй, бери жену и сына и убирайся домой! Больше не смейте беспокоить Юй Бая! Иначе не обессудьте, когда накажу вас по правилам деревни!

Под осуждающими взглядами жителей семья Юй Эрчжу покраснела и поспешно ушла. Перед самым уходом немного пришедшая в себя Ван-ши всё же зло глянула на Юй Бая, и в её глазах ясно читалась угроза.

Юй Бай приподнял бровь. Живучая. Прямо как таракан — не прибить.

Староста повернулся к нему, и голос стал гораздо мягче:

— Малыш, ты цел? Может, позвать доктора Вана?

Юй Бай покачал головой и поклонился:

— Спасибо, дядя-староста, что заступились. Со мной всё в порядке, немного отдохну — и пройдёт.

Староста вздохнул:

— Твои родители были хорошими людьми в нашей Таоси, жаль их... Не бойся: пока я, Чжао Фугуй, здесь, никто тебя не обидит. Возникнут трудности — приходи ко мне.

Проводив старосту и жителей, Юй Бай закрыл дверь, прислонился спиной к доскам и глубоко выдохнул.

Это тело почти дошло до предела. Короткая стычка только что отняла у него почти все силы.

Они заявили скандалить с самого утра. До сих пор он держался лишь на упрямстве. Приди староста чуть позже — Юй Баю пришлось бы тащить Юй Эрчжу за собой на тот свет.

<http://bllate.org/book/19010/1867548>